

Сильнее любви
только жажда
мести

В Л А Д И М И Р

КОЛЫИЧЕВ

ДЕВУШКА
С БЕЛЫМ ЛИЦОМ

РОКОВОЙ СОБЛАЗН

Роковой соблазн

Владимир Колычев

Девушка с белым лицом

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Колычев В. Г.

Девушка с белым лицом / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2020 — (Роковой соблазн)

ISBN 978-5-04-108221-5

Вернувшись с корпоратива, Макс обнаруживает в своей квартире странную гостью. Назвавшаяся Ритой девушка как две капли воды похожа на недавно погибшую жену известного бизнесмена. Несчастную изнасиловала и утопила в реке шайка подонков... Макс не прочь приударить за Ритой, да и она готова ответить ему взаимностью. Идиллию нарушает известие о гибели одного из друзей Макса. Тот тоже утонул, и случилось это там же, где до этого погибла жена бизнесмена. Случайность? Неожиданно молодого человека поражает леденящая душу догадка: это не роковое совпадение, а начало самой настоящей мести...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-108221-5

© Колычев В. Г., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Колычев

Девушка с белым лицом

© Колычев В.Г., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

Затмение накатывало волнами – зелеными, как змий, и солеными, как припудренные края стакана с текилой; то темнота, вихрящаяся в мерцании космической пыли, то просветление – мутное, как отражение в тихом омуте. То тишина с шипящими пузырьками газа, то музыка, смешанная с пульсирующим шумом в барабанных перепонках. И еще в ушах блуждало эхо знакомого мужского голоса, переходящего в крик... Зеленые волны смывали с берега обрывки разума, песчинки мыслей разбегались по расщелинкам, извилинкам, брюхоногие моллюски расхватывали их, растаскивали по своим ракушкам. В голове – морское дно, перед глазами – русалка. С головой белки. Ушки как кисточки, глазки как орешки, зубки как пилы. А платье – серебристая чешуя, из которой вываливались, бросаясь в глаза, силиконовые плавники третьего размера. Элли стояла надо мной, рисованные бабочки на ее ногтях щипали меня за плечо.

Элли молчала, но я хорошо знал свою бывшую жену и умел читать по ее глазам, в каком бы обличье она ни была. Перебрал я с текилой – дошел до белки, пора поворачивать назад. И Элли мне внушала, и сам я понимал. Впрочем, это я понял еще давно, даже собрался уходить, но застрял в холле ночного клуба. Там белочка меня и нашла. В компании с бобром.

Антон и на трезвый взгляд был похож на бобра. Зауженная сверху голова, широкая переносица, раскиданные по сторонам глазки, такие же черные, как сопливые глубины в его ноздрях; выпирающие верхние резцы, приземистое тело, короткие лапы. Хваткий, цепкий, зубастый – если задастся целью, любое дерево перегрызет, плотину поставит, реку запрудит.

– Давай, давай... – звучал его голос, перекликаясь в моей голове с отзвуками крика.

Сначала этот хам отбил у меня бизнес, потом жену, теперь вот с корпоратива гонит: лишний я здесь...

Поднимаясь с дивана, я, казалось, погружался на морское дно, а где-то наверху, над водой, булькал голос Антона:

– Давай... Такси уже ждет...

В машине сильно пахло ароматизатором, под зеркалом, болтаясь на веревочке, прыгал чертик, из колонок тихо сочилась музыка моей молодости, она звала меня в прошлое. Но приехал я в настоящее.

В межквартирном тамбуре горел свет, вокруг лампы порхал мотылек, по стенам прыгала мелкая вертлявая тень. Я полез в карман за ключами, меня повело в сторону, рука зацепилась за железную дверь аварийного отсека, в котором находился гидрант и пожарный шланг. А на полу лежала, свернувшись в комочек, белая кошечка. Она смотрела на меня так жалко, так испуганно – я просто не мог пройти мимо...

Волна схлынула, из окна, просеянный через сито кружевного тюля, струился утренний свет. Очень хотелось пить, воображение перенесло меня на кухню, к холодильнику, за дверцей которого стояла бутылка минеральной воды, а на полке – пара пива. Осталось только подняться и переместить по мысленному курсу непослушное тело, не забыв прикрепить к нему тяжелую похмельную голову, которая и должна была сделать выбор – пиво или вода?

Кровать обиженно скрипнула, босые ступни шлепнулись на теплую гладь паркетного пола, давно не крашенного, но все еще хранившего блеск славного прошлого. Когда-то в этой квартире бурлила жизнь: мы с Элли, полные надежд и стремлений, планировали свое будущее – верхом на таком же светлом настоящем. Наша с Антоном фирма закрепилась на московском рынке, мы с Элли купили квартиру, завернули эту конфетку в глянец евроремонта, обставили, обжились, какое-то время шли к вершинам успеха. Сначала отвалились перила, затем разломилась пополам и лестница, я остался на нижней половине, а Элли продолжила путь по верхней...

Босиком, в трусах, с голым торсом я вышел из спальни в гостиную и застыл, как двоечник на картине Репина, увидев юную девушку, которая сидела на моем кожаном диване, подобрал под себя ноги, с подушкой в обнимку. Классический прямой «боб» на русые волосы, глаза – два голубых алмаза без огранки, ювелирной чистоты, но с какими-то мутными отложениями в глубинах. Сизый дым там, подсвеченный холодными фосфорными огоньками. Курносенькая, с ямочками на щечках, губки пухленькие, но расплывчатые, как облака, ротик маленький, на правой щеке помятость после ночного общения с подушкой. Длинная шея, узкие плечи, тонкие руки – худенькая, бесформенная. Волосы густые, тяжелые, такие завить можно только «химией», подушкой за ночь не вздохматить, как ни старайся. Футболка на ней с черным глазом в белой пустоте, джинсы с высокой талией и рванинкой на коленке, желтые носочки. А ступни маленькие – максимум тридцать пятого размера.

– Ты мне снишься? – спросил я.

Девушка едва заметно качнула головой. Она внимательно смотрела мне в глаза, как будто хотела знать, в своем я уме или всего лишь не проспался. А возможно, умственная отсталость – мой пожизненный крест, который вот-вот свалится ей на голову. Я или сам буйно наброшусь, или мой лечащий врач придет и выставит ее, несчастную, за дверь. А уходить моя гостья не желала, не звучал в ней сигнал тревоги, который заставляет соскакивать с места и забиваться в угол. Не может человек обидеть бедную синичку, которую спасал от голодной смерти на протяжении долгой и лютой зимы. Не мог я обидеть эту птичку, и она как будто это знала. Но когда я успел приручить и прикормить это несчастное существо?

– Тогда извини.

Я вернулся в спальню, надел футболку, влез в шорты. В майке мне комфортней, жировые отложения на животе не так бросаются в глаза, еще бы второй подбородок убрать... Запустил я себя в последнее время: весна уже на исходе, на носу пляжный сезон, а я даже не пытаюсь привести свое тело в порядок. «Совсем стыда нет», – говорят в таких случаях. Так, может, это сама совесть меня навестила? Призвать к порядку, наставить на путь истинный и выписать абонемент в фитнес-клуб... Открывая дверь, я усмехнулся и даже поднес к виску палец. Вчера белочка, сегодня синичка... пить надо меньше, тогда и мерещиться не будет, и дурные мысли не будут посещать голову.

Но видение не исчезло: девушка сидела на диване, все так же обнимая бархатную с бахромой подушку. И смотрела на меня с той же настороженностью, но без страха.

– Сейчас! – Я поднял указательный палец и поднес его к носу.

И даже нажал на его кончик, как будто это была кнопка «Пауза». Мне действительно удалось остановить момент. Я прошел на кухню, открыл холодильник, взял бутылку воды. Из двух банок пива оставалась одна, я обратил на это внимание, но не придал значения.

Пропустил пару стаканов минералки, вернулся в гостиную – девушка сидела в прежней позе. И смотрела на меня с едва заметной насмешкой. Если она – плод моего большого воображения, то теперь я знаю, как улыбается белая горячка.

– Давай рассказывай.

Я опустил в кожаное кресло, но сделал это слишком резко: высокое мягкое сиденье просело под тяжестью тела, шумно выпуская из себя воздух. Девушка посмотрела на меня так, как будто подозрительный звук вышел из меня. Вот-вот, казалось, ее губы разойдутся в ехидной усмешке.

– Васена, – тихо сказала она.

– В смысле Василиса? – догадался я.

– Ты меня вчера так назвал.

Я озадаченно смотрел на гостью. Должно быть, в моем взгляде сквозила обида. Мне уже тридцать восемь, я годился этой пигалице в отцы, а она со мной на «ты». Как будто я какой-то неудачник, не достойный уважительного к себе отношения.

Да, я потерялся в этой жизни, блуждал в потемках перед закрытой дверью, но было время, когда мне везло. Мы с Антоном достигли многого, прежде чем я остановился. Захотелось вдруг вырваться из колеса, в котором я крутился, как белка, выбраться из этой шумной беспокойной клетки. Меня потянуло в большой мир, мы с Элли отправились в кругосветное путешествие, побывали на всех континентах, кроме Антарктиды. Мы любовались цветными скалами в Китае, занимались любовью в «Море звезд» на Мальдивах, загорали на скрытом пляже в Мексике, спускались в «Колодец Иакова» в Техасе.

Антон же тем временем рыл яму. Под меня. Мы владели компанией в равных долях, но хитрый маневр помог ему размыть мою долю и снизить ее до тридцати процентов. Антон загнал нас в угол, из которого Элли быстро нашла выход. Она ушла к Антону, а через год нанесла мне очередной удар. Мы прожили в браке шесть лет, но с ребенком у нас не ладилось, зато Антону она родила сына ровно в срок. Тем самым подчеркнув мою ущербность...

– Я назвал? – спросил я, копаясь в пустотах памяти.

– Я что, похожа на кошку?

Юная гостья как будто почувствовала свою вину передо мной, примирительно улыбнулась. Взгляд ее стал еще ярче, но тепла в ее фосфорных огоньках больше не стало.

– Да нет. – Я озадаченно провел рукой по затылку.

Орегонский «Колодец Тора» – это прибрежная каменная воронка, уходящая в глубь земли на несколько метров. Во время прилива она заполняется водой, которая затем выстреливается вверх шестиметровым фонтаном. А в мой провал памяти влился вчерашний вечер – в фонтане воспоминаний я увидел белочку, бобра и белую кошечку в аварийном отсеке межквартирного тамбура. От белочки и бобра я уехал, а белую кошечку... Неужели взял домой?

– Молока мне хотел налить. – Девушка смотрела на меня с теплой благодарностью и едкой насмешкой одновременно.

– У меня было молоко?

– У тебя было пиво.

– А сколько тебе лет?

Выглядела «Васена» очень молодо, но черты ее лица вполне оформлены, в глазах проглядывался какой-никакой жизненный опыт, скорее всего ей уже исполнилось восемнадцать лет. Во всяком случае, я надеялся на это. Хотя и сомневался. Столько нежности в ее чертах, плечики хлипкие, как крылышки неоперившегося воробушка. Но взгляд все же недетский, и прическа – как у взрослеющей девушки.

– Пиво ты выпил сам, – усмехнулась она.

– А что ты делала в подъезде?

– На самом деле я – кошка. – Ее лицо стало серьезным: окаменело все до последней черточки, взгляд остановился. – Просто по субботам превращаюсь в человека.

Все понятно: «Васена» разыгрывала меня, я ждал, когда она моргнет. Но девушка продолжала смотреть на меня, не мигая. И так она могла смотреть сколько угодно долго, запас ее прочности казался неиссякаемым. Было в ней что-то мистическое... Может, она действительно кошка?

Тогда моя бывшая – белочка, и ей на роду написано жить с бобром? Я усмехнулся, представив, как Элли убеждает меня в справедливости своего выбора.

– Шутишь?

«Васена» даже не шелохнулась, но при этом, как мне показалось, качнула головой. Нет, не шутила она, и я должен был это понимать.

– Шучу. – Но в ее ответе слышалось совсем другое.

– Я так почему-то и подумал, – натянуто улыбнулся я.

– Просто мне нужно было спрятаться.

– От кого?

– От собак.

«Васена» удивленно смотрела на меня. Действительно, от кого еще может убежать кошка, как не от собаки?

– Мне нужно проветриться, – сказал я, поднимаясь.

И еще неплохо было бы просушить закисшие мозги. В похмельной закваске, как известно, присутствуют галлюциногенные бактерии, холодное пиво могло снять брожение или, напротив, обострить его. За пивом я и пошел на кухню, но по пути сделал остановку в прихожей, открыл входную дверь, заглянул в пожарный отсек. Метр вглубь, столько же в ширину и вверх – «Васена» могла поместиться в этом кубе, достаточно было свернуться калачиком или просто сесть, обняв колени руками.

Поворачивая назад, я задал себе вопрос: «Интересно, дверь в тамбур была открыта, когда я вчера ночью возвращался домой?» Ответ так и остался в провале памяти.

Я зашел в квартиру, закрыл за собой дверь, только после этого глянул на свои босые ноги. Что это со мной? Когда это раньше я позволял себе выходить из дома босиком?

Холодное пиво взбудрило кровь, освежило чувства, в голове просветлело. Обострилась потребность вымыть ноги и надеть тапочки. Но сначала нужно было разобраться с «Васеной», если, конечно, она не исчезла.

Из прихожей через арку виден был телевизор с большим экраном, в котором должна была отражаться моя гостья. Я осторожно глянул на экран, но девушки не увидел. И озадаченно пожал плечами. Хорошо, если моя большая фантазия исчезла, но вдруг мое помешательство не временное, может, по мне плачет палата номер шесть?

– Собак в дом не запустил? – внезапно спросил знакомый голос, заставив меня содрогнуться.

Я еще раз глянул на экран телевизора и снова не увидел «Васену». Также не отражался и диван, на котором сидела девушка. А она там была, я видел ее, она перемещалась из прихожей в гостиную.

Похмелье давало о себе знать – я сбился с курса, меня повело в сторону, нога зацепила журнальный столик, покачнулась стоящая на нем ваза без цветов.

«Осторожно!» – услышал я.

«Васена» молчала, я точно это знал, но почему же в ушах прозвучал ее голос? Может, я научился читать ее мысли? Или она умела внушать их на расстоянии: существуют же телепаты, которые работают как на прием, так и на передачу... Похоже, мне самому нужно на прием. К врачу.

Я опустил в кресло, внимательно посмотрел на девушку. Она не изменила позу, все так же обнимала подушку, прижимая ее к груди.

– От кого ты прячешься?

– Не прячусь. Просто живу... – сказала она и, немного подумав, добавила: – У тебя.

– А если я тебя попрошу? – Я кивком показал на дверь.

– Уйду, – пожала она плечами.

Я снова кивнул, указывая на дверь. Но вслух свое требование озвучить не смог. Как я мог выгнать из дома этого наглого, но, в общем-то, жалкого котенка? Мир так жесток – люди его затопчут, собаки загрызут, и никому не будет до этого дела. Даже мне... Я ведь постараюсь придумать себе оправдание, возможно, даже смогу вычеркнуть сегодняшнее утро из своих воспоминаний. Современный человек обладает способностью к социально-психологической адаптации, умеет приспособливаться к патологическим изменениям в окружающей действительности, именно это и делает общество равнодушным и даже подлым. И я всего лишь кусок дерьма в этом течении в никуда. И ничего не могу с этим поделать, потому что органически вплетен в жестокую природу человеческого социума... Да-да, я уже научился успокаивать свою совесть, и это мне может скоро пригодиться.

– Я пойду.

«Васена» поднялась и вышла из комнаты. В прихожей стояли маленькие стоптанные кроссовки детского размера, на вешалке висела джинсовая курточка – тонкая, холодная, с порванным рукавом, такая не защитит, не согреет. В груди у меня сжалось и заныло, когда девушка стала обуваться. Вид у нее был – как у собачонки, которую выгоняли на мороз, на верную смерть, от волнения у нее дрожали пальцы, она никак не могла завязать шнурок.

– Где ты живешь? – спросил я.

– Нигде.

– А родители?

Девушка снова вздохнула, но ничего не сказала.

– А если собаки?

– Не отпускай меня. – Она поднялась, посмотрела на меня, ее глаза наполнились слезами.

Я взял ее за руку, провел пальцами по внутренней, самой нежной стороне локтевого сгиба. Достаточно было просто посмотреть на руки, нет ли на них следов от укола, но мне вдруг захотелось прикоснуться к девушке, почувствовать тепло ее тела. Мне стало стыдно, я опустил голову, отступил назад. Может, я и кусок дерьма, но точно – не педофил.

– Я не наркоманка. – «Васена» правильно поняла меня. – И не воровка. Просто мне нужна твоя помощь.

Она умоляюще смотрела на меня.

– Как тебя зовут?

– Рита. Мне восемнадцать лет. Больше ни о чем не спрашивай.

– Почему?

– Я остаюсь? – спросила она и, не дожидаясь подтверждения, стала разуваться.

– Ну, хорошо.

Я не хотел отпускать Риту, но и остаться ей разрешал скрепя сердце. «Ни одно доброе дело не остается безнаказанным». Как будто дятел стучался в мою голову, выковыривая паразитов из мозговых извилин. Но червячков становилось все больше, они облепили мое сознание, впрыскивая в него яды, разъедающие волю к сопротивлению.

– А молока у тебя правда нет, – сказала Рита.

– И пива тоже, – кивнул я.

– Но ты же что-нибудь придумаешь?

Я кивнул, взял переносную трубку стационарного телефона, набрал вбитый в память номер, заказал две пиццы с сыром, ветчиной и грибами.

– Можно я приму ванну? – спросила Рита и почему-то поежилась, глядя на меня с надеждой.

– Холодно? – спросил я.

Отопительный сезон уже закончился, но в квартире достаточно тепло. А Рита мерзла: возможно, ее одолевал внутренний холод – так бывает, когда на душе леденящий страх.

– Принеси, пожалуйста, полотенце, – не ответив на мой вопрос, попросила она.

В квартире беспорядок, но ванна чистая: раз в неделю приходила женщина из клининговой компании, генералила комнаты, начищала до блеска зеркала, фаянс и прочую сантехнику. И все же я взял тряпку, капнул на нее обычного жидкого мыла, кое-как протер ванну. Сполоснул, заткнул нижний слив, установил температуру, включил воду. Глянул на стиральный автомат, выбил пальцами барабанную дробь по верхней панели, пожал плечами. Если Рита захочет постирать свою одежду, пусть попросит сама, девочка она не стеснительная.

Переезжая к Антону, Элли забрала все свои лучшие вещи, старье оставила мне, в том числе и велюровый спортивный костюм зеленого цвета с красной ящеркой на груди.

Когда-то Элли была такой же маленькой и худенькой, как Рита, но даже после свадьбы она продолжала расти вверх и немного вширь. Она не растолстела, просто стала крупней. Костюм очень быстро стал для нее маленьким.

Жизненные запросы ее тоже росли, поэтому она выбрала более успешного Антона, оставив мне разочарование в женщинах и спокойное одиночество, в котором я мало-помалу атрофировался как личность. И жил как растение в тепличных условиях, на дивиденды со своей доли в бизнесе. Я даже не знал, нравится ли мне такое затхлое существование. Наверное, да, если я не замерзал, не страдал в этом прозябании. Счастья не было, но так я в нем, возможно, и не нуждался. И все же нужно было что-то менять, я это понимал, но продолжал плыть по течению, оставаясь при этом в прошлом, тогда как нормальные люди жили настоящим.

Дверь в ванную комнату была открыта. Рита сидела на стиральной машине, по-взрослому думая о чем-то важном, а ногами болтала по-детски, безотчетно постукивая пятками по стеклянной крышке загрузочного люка. Вода лилась шумно, под напором, упругая струя взбивала пену – поднималась гора из мыльных, лопающихся пузырьков. Я положил рядом с Ритой сложенный стопкой спортивный костюм, чистую белую футболку, не забыл и о полотенце. Немного подождал, выключил воду.

– Будешь тонуть, кричи! – сказал я, собираясь выходить из ванной.

– Дедушка заставлял меня петь, – думая о чем-то своем, улыбнулась Рита. – Если не пою, значит, утонула.

– А если утонешь, домой не приходи.

Рита повернулась ко мне, пристально посмотрела в глаза и кивнула с подобием улыбки на губах.

– Дедушка тоже так говорил.

– Где он сейчас? – спросил я.

Вместо ответа Рита мягко приложила к моей груди ладонь, несильно надавила, выталкивая меня из ванной. И закрыла дверь на замок.

«Не подглядывай!» – услышал я.

Не говорила она ничего, я точно это знал, мог даже побиться об заклад, но голос был. Опять она телепортирует свои мысли? А может, это во мне заговорила совесть? Но так я же и не собирался подглядывать, даже не задумывался об этом.

Я прошел на кухню, встал у окна, нащупал пальцами обломок пластикового стержня, повернул широкие тканевые ламели вертикального жалюзи, глянул вниз. Ольха на ветру колышется, рукоплещет листиками-ладошками, припаркованы автомобили в два ряда, дворник-таджик возится возле мусорных баков. Женщина в мешковатом платье идет, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, как жирная утка, впереди нее едет мальчик на самокате, кивком подзывает к себе маму. Собак не видно.

Я зажмурил глаза, тряхнул головой. Какие собаки? Какие кошечки? Рита не издевалась надо мной, я сам позволил ей сесть себе на шею. Был под «белкой», принял ее за кошечку, привел в дом, а если я такой добрый, то почему она не может ездить на мне?..

Но не могу же я выставить ее за дверь! Или могу?.. Если она не наркоманка, то вполне могла быть аферисткой или даже убийцей. Если ее разыскивает полиция, у меня могут возникнуть проблемы – припишут соучастие, отправят за решетку, а я так далек от грязной тюремной суеты. Жизнь моя – пресная и унылая, но в ней тепло и даже комфортно. Отличная квартира, игровой компьютер, масса свободного времени и – никаких проблем. Кроме головной боли по субботам, с похмелья. Это образно, потому что выпить я мог в любой день. И девочку по вызову навестить, если вдруг приспичит: было у меня несколько вариантов на выбор, нужно только оплатить, можно через банк онлайн. Не так уж плоха жизнь в мире, где все продается и покупается. Если есть деньги. А мир в клеточку и друзья в полосочку – это не для меня.

Принесли пиццу, я ее принял, расплатился по чеку, слегка добавил сверху. Убрался на кухне, вытер стол, расставил чистые тарелки, задал работу кофейной машине. Рита все не появлялась.

Я подошел к двери в ванную, прислушался. Тишина. Может, мое утреннее видение уже растворилось в мыльной воде? Если так, то я и сам приму ванну и растворю в пене свою головную боль. И милостиво посмеюсь над собой, вспоминая нежный образ, который создало мое похмельное, раздраженное одиночеством воображение.

– Почему не поешь? – громко спросил я, легонько стукнув по двери.

– Плачет девушка в автомате!.. – нараспев донеслось из ванной. – Кутаясь в зябкое пальтецо!.. Вся в слезах и в губной помаде...

Я пожал плечами. Песня, конечно, хорошая, бодрая и душевная, но как-то уж слишком древняя для юного поколения. Это песня молодости моей мамы или даже бабушки. Когда я был молодым, она звучала в перепевках девятидесятых годов... «Плачет девушка», «зябкое пальтецо», «перепачканное лицо»... Возможно, Рита пела о своей личной трагедии. Несчастливая любовь, слезы в подушку, сгоряча высказанные обиды, пощечина в ответ. Сбегая от своих бывших парней, девушки почему-то уходят из дома. Возможно, родители сбиваются с ног в поисках заблудшей дочери, а я купаю ее в своей ванне. И тещу свое самолюбие.

Рита замолчала, какое-то время было тихо, затем полилась вода. Чуть погодя зашумел фен, напоминая мне о бывшей жене, которая жить не могла без этого исчадия технического прогресса. Звук фена въелся в мой мозг, он аллергически вызывал головную боль, а мог вогнать и в депрессию. Этот шум и сейчас раздражал, но по другой причине. Мне нужно было серьезно поговорить с Ритой, а она задерживалась.

Наконец, Рита вышла из ванной. Спортивный костюм был ей великоват, сидел мешком, ну, так никто и не ставил задачу добавить эротичности в образ. Да и Рита не пыталась изображать из себя роковую женщину. Глаза у нее слипались, маленький ротик скривился в зевке, который она попыталась, но не успела закрыть рукой.

– А можно я немного посплю? – Она спрашивала моего разрешения, ничуть не нуждаясь в нем.

Что это, святая простота или наивная беспардонность? В любом случае девочка уже нащупала слабое звено в моей обороне и даже подобрала ко мне ключик. Я должен был сопротивляться, но как можно отказать девушке во сне? Я же не садист какой-нибудь, пусть поспит немного, если невмоготу, а потом уже милости просим на выход, к папе и маме.

– Сначала пицца, – сказал я.

Рита кивнула, прошла на кухню, плюхнулась на стул и капризно качнула головой. Подать ей пиццу, кофе, сигарету... Табаком от нее вроде бы не пахло, но, если она курит, меня это не удивит.

Я подогрел пиццу, снова приготовил кофе, подал все горячим. Рита кивнула в знак благодарности, взяла кусок руками, откусила с острого угла и тихонько чавкнула в знак одобрения.

– Что ты там говорила про дедушку? – спросил я.

– Говорила. Ни о чем не спрашивать, говорила.

– А если дедушка тебя ищет?

– Если найдет – убьет... – кивнула она. И, набив рот, добавила: – Тебя!

– За что?

– Дедушка не верит в платоническую любовь.

Что-то в этом роде я и ожидал услышать, но все равно слегка подвис, даже палец к подбородку поднес – подтолкнуть застывшую нижнюю челюсть.

– Э-э...

– А я верю! – Рита положила свой кусок на тарелку, отхлебнула из кружки, поднялась и преспокойно повернулась ко мне спиной.

– Там у тебя кровать в комнате, можно я прилягу? – донеслось из коридора.

Дверь в третью комнату открывалась бесшумно, но Рита умудрилась скрипнуть ею. Или это просто смазка в петлях засохла. С тоски.

Маленькую комнату мы с Элли планировали под детскую и обставили ее соответствующе. Нельзя было этого делать, не советовали нам покупать мебель для неродившегося ребенка, но мы же люди современные, далекие от суеверий. Потому и не получилось у нас ничего с ребенком, обставленная комната так и осталась бесхозной. Кроватка там не совсем детская – Рита могла спать на ней в полный рост.

Белье – в шкафу, но доставать его оттуда я не рискнул. Вдруг дедушка объявится, а внучка в чужой постели, под одеялом и без одежды. Нет уж, пусть спит поверх покрывала, в спортивном костюме, сворачиваться калачиком она умеет. Наволочка на подушке чистая.

Да уж, только дедушки мне сейчас не хватало...

Рита закрылась в одной комнате, я прилег в другой. Похмельное недомогание заявляло о себе, хотелось спать, но за гостьей нужен был глаз да глаз, к этому призывал голос разума.

Но в то же время: Рита провела у меня почти всю ночь и утро, если бы она хотела, то давно бы обнесла квартиру. А ценных вещей на виду немало, один только игровой блок чего стоит – тридцать два «гига» оперативной памяти, первая космическая скорость.

Мне очень хотелось спать, а так бы сидел я сейчас за компьютером, покорял Землю – континент за континентом... Или я уже в игре? Просто нахожусь в процессе перезагрузки. Скоро проснусь, а Риты нет и никогда не было. Хорошо бы так...

Я проснулся в звенящей тишине, никогда еще в моей квартире не было так тихо. За стенами не стучали, машины за окнами не шумели, из детской комнаты ни звука, только слышно, как тикают часики на трюмо.

На часах половина седьмого вечера, я проспал почти полдня, и некому было меня разбудить. Рита – всего лишь безответственная и даже коварная игра моего воображения. И ее фраза о платонической любви родилась в моем сознании неспроста. Таилась в душе потребность любить чисто, нежно и жертвенно. Вот я и влюбился – в свою фантазию, а она возьми да исчезни. И в этом не было ничего хорошего. Привиделась мне Рита или нет, но я уже не хотел оставаться без нее.

Я вскочил с кровати, открыл дверь и облегченно вздохнул. Рита сидела на диване и увлеченно читала книгу. Она, казалось, жила в том мире, в который себя погрузила, даже глаза мерцали в отсветах межстрочных страстей. А библиотека у меня небедная, все книги в чинных благородных переплетах, писатель к писателю, эпоха к эпохе.

Рита услышала, как открылась дверь, но на меня переключилась не сразу. Посмотрела отстраненно, тускло. Книгу она закрыла, но ее мысли остались где-то там, под переплетом, на «муромских дорожках» под сенью «лукоморских дубов».

– Что читаешь?

– Да так.

Я подошел к ней, глянул на книгу с золотым тиснением на обложке.

– Жюль Верн?

– «Таинственный остров». Я как раз начинала читать, когда... – Рита осеклась.

– Что когда?

– Ничего.

– Все у тебя «ничего». А «Таинственный остров» – это инструкция по изготовлению динамита.

Я точно не помнил, насколько подробно Жюль Верн описал нитроглицерин и процесс его изготовления, но интересного почерпнул немало.

– Мне динамит не нужен, – оживилась девушка.

– В интернете можно узнать, – кивнул я.

И задумался. Стол с компьютером находился в моей спальне, но в гостиной лежал айпад, пароль для запуска не требовался, но Рита даже не прикоснулась к планшету. Не посмела включить, не спросив разрешения? Но книгу-то с полки взяла без спросу, даже «спасибо» не сказала.

– Зачем?

– Вдруг ты террористка?

– Я не террористка и не наркоманка.

– А прячешься от кого?

– От дедушки.

– Стесняюсь спросить, почему?

– Потому что достал!.. То нельзя, это нельзя...

– А родители?

– Родители... – Рита внутренне напряглась, сжалась, как пружина, голос ее завибрировал, задрожал, как задетая пальцем до предела натянутая струна. – Нет у меня родителей... Мама когда-то была...

Я всего лишь открыл рот, чтобы задать вопрос, но Рита набросилась на меня:

– Не надо ничего спрашивать!

В ее голосе я услышал звон лопнувшей струны. Внутренняя пружина разжалась, девушка вскочила с дивана и застыла, как морская фигура на счет «три». Казалось, из какой-то своей игры она возвращается в реальность, мимические мышцы лица постепенно расслаблялись, уголки рта распрямлялись.

– Извини, – выдавила она.

– Да нет, это ты извини.

Мне захотелось успокоить, утешить ее, я поддался порыву чувств, обнял Риту за плечи, привлек к себе. Только тогда и очнулся, отдернул руку, отстранился. Я сам похож был на пережатую струну: дрожала каждая клеточка тела, сознание входило в фазу хаоса. Я должен был срочно взять себя в руки.

– Меня воспитывал дедушка, мы жили с ним в деревне, он запрещал мне пользоваться интернетом... – быстро проговорила она, пытаясь уместить в одной фразе всю свою прошлую жизнь вместе с переживаниями, с ней связанными. – Он много чего мне запрещал, в конце концов, мне все это надоело.

– И ты сбежала от него в Москву.

– Села в первый попавшийся поезд, – сказала она.

– А все дороги ведут в Москву.

– Дедушка меня догнал, я от него сбежала, потерялась...

– А я тебя нашел.

– Мне кажется, дедушка где-то рядом.

Рита приложила кулачки к своей груди, сжалась в комок и прильнула ко мне. От волнения у меня ухнуло сердце, я почувствовал себя медным колоколом, по которому ласково провели рукой – в душе тихонько зазвенело, запело, но там же звякнул тревожный колокольчик.

– Ничего, походит вокруг, побродит и уедет. А ты ему потом позвонишь.

Я обнял Риту и почувствовал, как от перенапряжения чувств немеет рука. Меня охватило чувство нежности, как мать, которая обнимает своего ребенка после разлуки. Если мать не в себе, от сильной любви она может задушить сына в своих объятиях, настолько же опасна и сумасшедшая нежность, силу которой я испытал на себе.

Я задыхался от переизбытка чувств, мне нужна была передышка, но Рита сама отстранилась от меня, виновато посмотрела в глаза.

– Он охотник, он будет искать до последнего.

– Уже нашел бы, если б смог.

– Может, и не найдет, – пожала плечами Рита. – Но все мои документы у него.

– Тебе не нужны документы. Пока ты со мной, – уточнил я.

– Ты позаботишься обо мне? – Она смотрела на меня с тревогой и опасением, как будто я мог отказать ей.

– Даже не сомневайся.

– Ну, хорошо, – успокоилась она.

И вернулась на диван, взяла книгу, быстро, без суеты нашла нужную страницу, улыбнулась в предвкушении, заерзала, устраиваясь поудобней. И дедушка ее перестал волновать, и обо мне она забыла. Что это – волшебный мир книги, олимпийское спокойствие или душевная аномалия?

Мне тоже нужно было успокоиться. Я отправился в ванную, принял душ, начисто побрился, привел себя в порядок... но не в чувство.

Я был переполнен Ритой, меня притягивало к ней, как планету к солнцу. Сближаться с ней было опасно – сгоришь, но я мог вращаться на ее орбите, согреваясь в теплых лучах. Вращаться вечно. Достаточно было подсесть к этой чудесной девушке, закрыть глаза и просто пропускать через себя исходящие от нее волны завораживающего тепла. Для полного счастья мне могло бы хватить и этого, поскольку я чувствовал себя вывернутым наизнанку, чувствами наружу.

Глава 2

Утро застало меня врасплох. Где Рита? Вдруг она ушла? Эти вопросы поставили меня в тупик. Я вдруг увидел себя в извилистом лабиринте со стенами двухметровой высоты и сразу же нашел выход – вскочил с кровати, оделся, вышел из комнаты и осторожно заглянул в детскую. Рита спала, свернувшись калачиком, и тихонько сопела. Прилив нежности вызвал чувство неловкости, заставил закрыть дверь.

Я улыбнулся, вспоминая свой лабиринт. Зачем биться головой о стену, если через нее можно просто перелезть?.. Но смогу ли я преодолеть двухметровый забор в реальности? Я уже и на турнике, пожалуй, не смогу подтянуться.

Улыбка сошла с лица. Я уже не молод, не в форме, не в моем положении мечтать о молодой девочке, для которой все еще только начинается. Пора братья за ум и спускаться с небес на землю...

А может, мне нужно сбросить вес, поднять мышечный, а вместе с тем и жизненный тонус? Тридцать восемь лет – это далеко не предел. Отец говорит, в шестьдесят лет все только начинается... Отцу моему шестьдесят два, столько же, примерно, и дедушке Риты. Я на самом деле годился ей в отцы.

Спортивную индустрию в моем доме представлял только велотренажер со сломанным переключателем скоростей. Были еще маленькие гантельки, брошенные моей бывшей женой при отступлении. Это не святые мощи, слезные воспоминания они уже не навевали, и я спокойно мог пользоваться гантельками по их прямому назначению. Но этого мало – по килограмму в одну руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.